

Results. As a result of the research it has been established that the following laboratory experiments can be performed with a solar modules battery: studying the idle speed of the solar cell – the dependence studying of the electromotive force of the module ϵ on the radiation flux density W , which falls on the surface of the module; construction of the dependency graph $\epsilon(W)$; to obtain the solar module voltage-ampere and load characteristics experimentally; to measure short circuit current, idle voltage, maximum power; to construct dependencies graphs $P = f(I)$, $U = f(I)$ at a given radiation flux density; the work study in the series and parallel connection of the solar modules battery, a comparative analysis of the connection methods, the voltage-ampere characteristic construction for the sequential and parallel connection of the modules in a common coordinate system. The practical value of the research is to develop and test methodological recommendations for the solar module batteries manufacture and laboratory experiments.

Prospects of further research. In our opinion, the development of a methodology for studying the physical work foundations of other alternative electric energy sources, modern means of accumulation and electricity conversion is perspective. It has been found out that with the battery of solar modules, you can perform the following laboratory experiments: studying the characteristics of idling, receiving the voltage-ampere and load characteristics; measuring current short circuit, maximum power, study of the serial and parallel connection. Making the solar battery and researching its work will help students to familiarize with modern environmental energy technologies. The development of a methodology for studying the physical work foundations of other alternative electric energy sources is promising.

Key words: energy, solar module, radiation, semiconductor, electron, hole, current, voltage, power.

УДК 801.7

Алевтина Сперанская

Институт иностранных языков

Университет Ланьчжоу, Китай

ORCID ID 0000-0002-0712-1337

DOI 10.24139/2312-5993/2018.01/075-086

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ СЛОВА КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

У статті розглядається один зі способів цілеспрямованого впливу на вербально-семантичний рівень мовної особистості. Пропонований у статті етнолінгвістичний підхід включає звернення до таких навчально-методичних дій: робота зі значенням слова (етимологія і тлумачення за різними лексикографічними джерелами); вивчення функціонування слова у фольклорному тексті; спостереження за повсякденною практикою: звички, звичаї, свята та обряди, у коло яких залучено лексему, що вивчається; спостереження над синтагматичними зв'язками слова (сполучуваність лексики за обраними джерелами й результати асоціативного експерименту). Такий підхід дозволяє поглибити вербально-асоціативні мережі, що не може не позначитися на розвиткові мовної особистості.

Ключові слова: етнолінгвістика, мовна особистість, вербально-семантичний рівень, картина світу, менталітет, спецсеминар, навчання.

Постановка проблемы. Как известно, структура языковой личности, по мнению Ю. Караулова, состоит из трех уровней: вербально-семантического, в котором заключены формальные средства выражения определенных значений; когнитивного, включающего идеи, понятия, концепты, составляющие картину мира носителя; и прагматического, который направлен в сферу поступков и мотивов. При этом первый уровень организован в виде вербально-ассоциативной сети [5]. Лингвистические методы описания языковой личности хорошо известны, литература по данной теме каждый год пополняется большим количеством научных источников. Одним из направлений изучения формирования языковой личности являются методические работы, посвященные способам целенаправленного воздействия на развитие человека.

Нам кажется продуктивной идея влияния именно на вербально-семантический уровень, отраженный в лексиконе личности. Как считает Ю. Караулов, для реконструкции мировоззрения личности «вовсе не обязательно располагать связными текстами, достаточен определенный набор речевых произведений отрывочного характера (реплик в диалогах и различных ситуациях, высказываний длиной в несколько предложений и т.п.), но собранных за достаточно длительный промежуток времени. Этот материал я называю дискурсом» [6, 4]. Языковое сознание современного человека испытывает колоссальное влияние каждодневного дискурса, который наполнен, в первую очередь, бытовыми и профессиональными речевыми ситуациями, интернет-общением и информацией, поступающей через СМИ. Книжная культура заметно утратила свое влияние на рядового носителя, что повлекло оскудение не просто словарного запаса, а всего вербально-семантического уровня личности, затронув и когнитивный. Поэтому в задачу педагогической и методической работы в образовательном учреждении входит необходимость целенаправленно развивать вербально-ассоциативные сети языковой личности обучаемого.

Цель данной статьи заключается в описании одного из способов формировать глубокие и устойчивые вербально-ассоциативные сети обучаемого с помощью этнолингвистического анализа слова. Работа основана на деятельности учебного спецсеминара «Современные проблемы этнолингвистики» под руководством А. Н. Сперанской.

Анализ актуальных исследований. Для начала проясним терминологию. Этнолингвистика в современном языкознании развивается в нескольких направлениях. Можно выделить американскую традицию и славянскую. В американской традиции изучения духовной жизни этноса чаще используется термин «антропологическая лингвистика» или «лингвистическая антропология». Наблюдения известных американских исследователей Ф. Боаса, Э. Сепира и Б. Уорфа над бесписьменными языками коренного населения Северной Америки позволили увидеть

правдивость мысли В. фон Гумбольдта о «внутренней форме языка» как выражении индивидуального мирозерцания народа. Теория лингвистической относительности, которую сформулировал в своих работах ученик Э. Сепира Б. Уорф, гласит, что мировоззрение говорящего, то есть его «картина мира» обусловлена не личными наблюдениями, а языком, который своей грамматикой и лексикой «навязывает» носителю своеобразную квалификационную сетку.

Славянская традиция изучения этноса как носителя особого мировоззрения берет начало в трудах мифологической школы и связана прежде всего с работами Ф. И. Буслаева, А. Н. Афанасьева и А. А. Потебни. Для этих авторов, по мнению Н. И. Толстого, характерно «рассмотрение не только и не столько отражения народной культуры, психологии и мифологических представлений в языке, сколько конструктивной роли языка и его воздействия на формирование и функционирование народной культуры, народной психологии и народного творчества» [13, 34]. В своей программной статье «Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин» Н. И. Толстой несколько раз говорит о содержании данной дисциплины. В общем понимании этнолингвистика – это «раздел лингвистики, объектом которого является язык в его отношении к культуре народа» [13, 38]. При этом средствами и способами формального воплощения «плана содержания» культуры могут быть как слово, так и предмет, обряд, изображение и т.п. Именно такой подход реализован в этнолингвистическом словаре «Славянские древности» при описании реалий традиционной народной жизни [10]. Нужно сказать, что Н. И. Толстой считал «возможным говорить о перспективах и задачах славянской этнолингвистики как автономной дисциплины. На том же основании перспективно рассматривать проблемы романской или германской этнолингвистики, равно как и признавать целесообразность существования более частных дисциплин, таких, как польская или немецкая, шведская этнолингвистика и т.п.» [13, 29]. Таким образом, уникальность словаря заключается и в том, что в научный оборот введено системное описание славянской культуры. Основным источником для такого описания послужили многочисленные полевые исследования. Однако в статье Н. И. Толстой называет и другие возможности проведения этнолингвистических исследований: «Она <этнолингвистика> изучает отражения в языке культурных, народно-психологических и мифологических представлений и «переживаний» (исследования такого характера проводила этимология, привлекающая широкий этнокультурный контекст)» [13, 38]. Кроме этимологического анализа языкового материала, в статье есть отсылки и к другим возможностям описания соотношения языка и народного менталитета. На их основании можно представить стратегию этнолингвистического изучения слова: «В

широком плані етнолінгвістика включає в себе діалектологию, мовний фольклор і частину історії мови, пов'язану з історичною діалектологією і культурною і етнічною історією народу, нарешті, майже всі аспекти вивчення мови як соціального явища» [13, 32].

Надо сказати, що етнічний компонент в слові можна виявити в самому, здавалося б, простому елементі, наприклад, в морфемі. Як пише Н. В. Слухай: «Знаменно, що навіть у працях, далеких від міфології, часто піднімаються питання, які потребують звернення до даних міфопоетики. Так, наприклад, О. Шмельов дійшов висновку про парадоксальність мовної об'єктивації часу, яка, зокрема, виявляється у здатності російського префікса *пред-* передавати і значення попередній (у слові *предыдущий*), і значення наступний (у словах *предстоящий*, *вперед*). Так само парадоксально виглядає можливість одночасно визначити давно минулі часи як давній, старий світ і як молодий, новонароджений світ, час предків, які жили перед нинішнім поколінням [17, 37–67]. На наш погляд, подібні парадокси фіксують найдавніші уявлення про світобудову, звернення до яких є перспективним для опису концептів часу, простору, хронотопу в російській та українській мовах» [11, 18].

При етнолінгвістическому вивченні дослідники часто звертаються до поняття «концепт», з однієї сторони, через його ємкість, з іншої – відносно розмитого вмісту, хоча в загальних рисах зміст цього поняття добре відомо (див. огляд Вороб'євої [4]). Ми не будемо зупинятися на цьому питанні, так як, на нашу думку, в методических і навчальних цілях правильно не використовувати концептологічну парадигму мовознавства, а зосередити увагу на навчальному етнолінгвістическому складовому аналізі. Відзначимо, що крім підручників, присвячених різним можливостям розуміння етнолінгвістического аналізу [1; 5], існує навчальний посібник Н. М. Шарманової, в якому також викладено шлях етнолінгвістического вивчення лексики [16].

Описання методу і викладання основного матеріалу. Сучасний студент, який відчуває вплив цього повсякденного дискурсу, в який він занурений, не може в повній мірі відчути «внутрішню життя» слова. Для цього необхідно виконувати спеціальні, рефлексуючі дії, які допоможуть побачити не тільки заповнення слова значеннями, але і зв'язок слова з культурою (див. створений В. В. Виноградовим жанр «життя слова» в [3]). В нашому розумінні етнолінгвістический підхід до вивчення слова включає в себе наступні дії:

- робота зі значенням слова: етимологія, тлумачення за різними лексикографіческими джерелами;
- вивчення функціонування слова в фольклорних текстах;

- наблюдения над повседневной практикой: ритуализованные действия, привычки, обычаи, праздники и обряды, в круг которых вовлечена изучаемая лексема;

- анализ синтагматических связей слова: сочетаемость лексемы по выбранным источникам и результаты ассоциативного эксперимента.

Подобная стратегия учебных действий, на наш взгляд, даст объемный взгляд на содержание выбранного студентом слова. Работа с этимологическими словарями позволит узнать первоначальную структуру слова и его семантические связи. Данную деятельность трудно переоценить, так как изучение достоверного облика слова, истинного мотива его возникновения позволяет заглянуть в глубины сложного творческого процесса, совершавшегося в диахронии. Студент имеет богатый опыт наблюдения над синхронией языкового знака. Даже недавнее историческое прошлое – двадцать лет назад – кажется обучаемому далеким, так как не затрагивает его речевой опыт. Совершая работу по восстановлению исходного значения, связывая его с родственными словами и понятиями, студент учиться понимать логику и мировидение своих предков.

Сопоставление дефиниций по разным источникам (как правило это известные и доступные толковые словари) необходимо для того, чтобы выяснить ядро значения. Продуктивной представляется работа с толковым словарем В. И. Даля, в котором содержится диалектный и фольклорный материал. Хотя работа над анализом фольклорных текстов ведется отдельно, так как именно в фольклорной картине мира отражена система народных представлений о себе и окружающем мире. При этом знания о мире закреплены в устойчивых по формам усвоения и исполнения текстах, анализ которых дает возможность реконструировать реальность прошлого. Фольклор, как правило, метафоричен и оценочен, поэтому экспликации необходимо производить с соблюдением необходимых процедур (см., например, работу А. Н. Сперанской [12], материалы сайта «Фольклор и постфольклор» [15]). В этом случае удобным и репрезентативным для студенческих занятий является паремийный материал, то есть пословицы, поговорки, присловья, загадки и пр.

Наблюдения над повседневной практикой, над теми ритуализованными действиями, привычками и обычаями, а также праздниками и обрядами, которые связаны изучаемой лексемой, необходимы для того, чтобы в привычных действиях и поступках людей студент смог обнаружить отголоски прошлого, которое сформировало современный быт. Большую помощь в развитии навыка замечать в привычном традиционное оказывает словарь «Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 томах (1995–2012)» [10] и обращение к сайту «Славянская этнолингвистика» [9].

Необходимость изучения синтагматических связей убедительно показал в своей классической работе В. А. Успенский: «Значение иностранного слова нередко можно узнать, не обращаясь к словарю, а исходя из контекста – особенно если это слово встречается в нескольких контекстах. Иногда такой способ установления значения приводит даже к лучшим результатам, чем словарный, поскольку позволяет очертить то именно значение, которое имеется в виду в данном тексте и которое – в требуемом оттенке – может и вовсе отсутствовать в словаре» [14, 142]. Известный лингвист и математик отметил важное свойство слова: оно вступает в тексте в реальные синтагматические отношения, которые придают слову новые коннотации, а значит, и обогащают смысловым содержанием. В спецсеминаре «Современные проблемы этнолингвистики» мы используем два основных метода: анализ сочетаемости выбранной лексики и ассоциативный эксперимент. Сочетаемость может быть отслежена по любому корпусу текстов. Ассоциативный эксперимент позволяет выявить смыслы, которые наполняют выбранное понятие представители той или иной социальной группы. Результаты ассоциативного эксперимента дают картину современных коннотаций, которые либо соотносятся с традиционными представлениями, либо отличаются. И в том и в другом случае у исследователя накапливается интересный материал ментального среза данной социальной группы.

Продemonстрируем, как может реализоваться данный вид анализа лексики в учебной практике. Рассмотрим слово *бестолочь*. Слово состоит из приставки, отрицающей наличие того, что названо в корне.

В «Этимологическом словаре русского языка» Г. А. Крылова происхождение слова описывается следующим образом: «Понять, как развилось сегодняшнее значение этого слова, будет совсем просто, когда мы узнаем, что вторая его часть (*толочь*) родственна слову *толк* и существовала в русском языке именно с таким значением, имея вид "*тъльч*". В этимологическом словаре Макса Фасмера нет лексики *бестолочь*, поэтому следует рассмотреть статьи, посвященные словам *толок* и *толочь*: *толок* – «"трамбовка", укр. *то́лок* – то же, словен. *tlàk*, род. п. *tláka* "мостовая", чеш. *tlak* "давление", словц. *tlak* "печатать, нажим", польск. *tłok* "давка". Связано чередованием с *толóчь*. *Толочь* – «*толóчь*, *толкú*, укр. *толокті́*, *товкті́*, *товчі́*, блр. *толкці́*, *толчы́*, др.-русс. *тълку*, *толчи* "бью, толкаю, толку" (Срезн. III, 1048), ст.-слав. *тлъкъ*, *тлъшти* *кроуѡ* (Остром., Супр.), болг. *тлъча* "толку", сербохорв. *тучѣм*, *тýћи*, словен. *tólčem*, *tléči*, *tólči* "бить", чеш. *tluku*, *tlouci*, словц. *tlčiem*, *tlct'*, польск. *tłukę*, *tłuc*, в.-луж. *tołku*, *tołc*, н.-луж. *tłuku*, *tłuc*, полаб. *tauct*. Праслав. **tǫlkъ*, **telkti* родственно лит. *tĩlkstu*, *tĩlkti* "стать смирным, кротким", *aptĩlkęs* "успокоившийся; бывалый" (ср. русск. *толочный* *парень*, *обтолкавшийся*), лтш. *puõtaĩcīt* "поколотить"». Из рассмотренного очевидно, что *толк*, то

есть смысл, разумное содержание, прок, польза связан с действием: измельчение, перетирание, утрамбовка. Результатом такого действия является усмирение, кротость и опытность.

Толковые словари содержат следующие определения. Словарь Д. Н. Ушакова: «1. То же, что бестолковщина. 2. Бестолковый человек. *Экая ты бестолочь!* /соби́р. Бестолковые люди. *Все его помощники – такая бестолочь*». Словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой: «То же, что бестолковщина». Толкование лексемы *бестолковщина*: «Беспорядок, путаница» (Д. Н. Ушаков) и «1. жен. Беспорядок, неразбериха. *В делах полная б.* 2. муж. и жен. Бестолковый человек. *Ну что ты за б. (такая) (такой)!*» (С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова). В «Большом толковом словаре» под редакцией С. А. Кузнецова *бестолочь* толкуется как «Глупый, бестолковый человек» и снабжено пометой *бранное*.

Можно сделать вывод, что современное значение слова отличается от этимологического: в толкованиях актуального значения нет ключевых слов, связанных с теми, что были указаны в этимологических словарях. Тем не менее, значение литовского *tilkstu, tilkti* «стать смиренным, кротким», а также чешского *tlak* («давление») приближаются к современному, так как под «бестолочью» понимается, в том числе, кротость и давление со стороны. Также стоит отметить литовское *aptilkęs* «успокоившийся; бывалый»: если понимать «бывалый» как «набравшийся опыта», то слово «бестолочь» можно истолковать как «тот, у кого нет опыта».

В «Словаре живого великорусского словаря» В. И. Даля содержится наиболее полно синонимичное описание слова *бестолочь* в статье «бестолковый»: бестолочный, в ком или в чем нет толку, смысла; непонятливый, тупой, беспорядливый, опрометчивый; непонятный, бессмысленный, неотчетливый; не обещающий пользы, не достигающий цели... Бестолочь, бестолочина, бестолковица, бестолковщина ж. непонятность, бессмысленность, несвязность; неосновательность, нераспорядливость; беспорядица, неустройство. Бестолковость ж. свойство бестолкового. Бестолкова об бестолковый человек. Эка ты бестолкова какой. Бестолковеть, становиться бестолковым. Бестолочить, делать вздор, беспорядицу, распорядаться зря, не спохватясь ума.

Анализ словарных значений слова *бестолочь* позволил сделать вывод, что данное понятие трактуется либо как «в ком или в чем нету толка, разума», либо как «беспорядливый», «тупой», «опробетчивый»; «непонятный», «бессмысленный», «неотчетливый»; «не обещающий пользы, не достигающий цели». Первое значение связано непосредственно со словообразованием – наблюдается родство со словом «толк». Остальные значения – различные значения общего инварианта «без толку», имеющие свои семантические оттенки: ср. *бессмысленный* (без смысла) и *неотчетливый* (неясный, непонятный).

В фольклорных текстах нет отсылок к лексеме *бестолочь*, потому что в фольклорной картине мира оно входит в обширное семантическое поле 'дурак', хотя отождествлять эти понятия нельзя. Однако все же в русском паремиконе (собрании паремий) можно обнаружить следующие выражения из словаря В. И. Даля: *Кто без долгов, а кто бестолков; От бестолкового человека жди бестолковой речи и бестолковых распоряжков; Бестолкового учить – только себя трудить; И бестолков, да памятлив на обещания; И готово, да бестолково; Бестолково село, так не почто в него*. Как видим, в паремиях использована другая грамматическая форма, которая, как нам кажется, во многом оправдана поэтикой текста, так как создает необходимую ритмико-мелодическую основу.

Можно сказать, что *бестолочь* вошло в устойчивые народные выражения несколько позже, так как в «Большом словаре русских поговорок», составленном В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной, представлены следующие поговорки: *Толк выйдет, одна бестолочь останется* (о перспективах крайне глупого человека); *Бестолочь вошла* (кто-л. сделал что-л. неправильно) [8]. Как можно наблюдать, слово *бестолочь* входит в круг значений «не так, неправильно» без положительной коннотации, в отличие от дурака, чей образ амбивалентен. Очевидно, на такое восприятие влияет понимание *бестолочи* как бессмысленного, за счет чего слово несет в себе негативный оттенок. Подтверждение этому находим в результатах ассоциативного эксперимента.

В качестве опрашиваемых были выбраны студенты гуманитарных (будущие филологии, переводчики, искусствоведы) и естественнонаучных специальностей (математики) Сибирского федерального университета. На слово-стимул *бестолочь* от студентов математического факультета (2 курс, мужской пол, 15 человек) были получены следующие слова-реакции: *бестолковый; глупый ленивый долб***; дурень; балбес; безмозглый; дно; рак; нуб; дебил; тупой; осёл;; мелочь; человек; бездарь; ****ый долб***, который ни*** не умеет нахр**; идиот; дебил тупой; идиот; дурень; тупица; расп***яй; человек, жертвующий глобальными положительными исходами ради минутной слабости; дегенерат; затупок; чмо; бездарность; ёжик в очень густом тумане; филолог; ***столочь; гуманитарии; человек, который не приносит пользу (толк); бессмысленный; ненужный; неэффективный*. Для респондентов, обучающихся на негуманитарном направлении, характерно использование обценной лексики для выражения своих ассоциаций (эмоциональная несдержанность) и слэнга (*рак, дно, нуб, затупок, чмо*); слов с резко негативной коннотацией (*дебил, дегенерат*), а также юмор (*филолог, ёжик в очень густом тумане*).

Круг слов-реакций студентов гуманитарных специальностей (2 курс, 7 мужчин, 8 женщин) следующий: *лень, нежелание, бездарь, стыд;*

рассказ, классика, глупый, мама, раздражение; тварь, скотина, бездарь; сказка, дурак, нежелание; тупица; нет толка, бесполезность, бессмысленность; нет толка в действиях; глупость, тупость; дурак, непутевый; не получается, помятые учебники; невежда. Особенности ассоциаций студентов гуманитарных направлений следующие: доминирование литературного языка (*глупый, невежда, непутевый*) и использование слабо связанных с семантическим значением слова *бестолочь* ассоциаций (*лень, нежелание, стыд, рассказ, классика, мама, раздражение, сказка, помятые учебники*). В этих словах отражается во многом личное восприятие.

Таким образом, большая часть респондентов связала слово *бестолочь* со словами, семантическое значение которых так или иначе указывает на слабые интеллектуальные способности человека. Также часто встречаются ассоциации, указывающие на бессмысленность человека, к которому относится искомое слово (таковы ассоциации *бестолковый, бездарь, бездарность, бессмысленный, ненужный, неэффективный, человек, который не приносит пользу, непутевый*).

Можно сделать общий вывод, что слово *бестолочь* не отходит от двух основных полюсов: значения глупости и значения бессмысленности. К смыслу может прибавляться шутливо-ироничное отношение. Как показал ассоциативный эксперимент, негативная оценка, содержащаяся в слове, выражается множеством лексических вариантов, от обценного до близкого к нейтральному. Если подытоживать полученные результаты, то можно следующим образом определить значение данного слова: *Бестолочь – это глупый человек, чья деятельность бессмысленна и бесполезна.*

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Углубленное изучение языкового факта заставляет личность развиваться, особенно в части вербально-семантических связей. Обращение к этнолингвистике обогащает современный образовательный процесс выработкой у студента профессионального взгляда на значение языка, учит человека знать и понимать свой язык. Основы этнолингвистического анализа, о которых шла речь в статье, формируют у студента представления о соотношении языка и этноса в различных аспектах: соотношение связи языка и духовной культуры, языка и народного менталитета, языка и социальной общности людей. Для проведения самостоятельного исследования студент овладевает необходимым теоретическим и методологическим аппаратом, который, как можно заметить, обширен и сочетает несколько областей: фольклор, социоллингвистику, лексикологию, семантику. В статье представлен один из путей этнолингвистического исследования. Важным представлялась возможность обратить внимание обучаемого на понимание вопросов современности, связанных с этнолингвистической тематикой. Подобная работа со словом позволяет описывать жизнь слова

в диахронии, замечать процессы в современном состоянии языка, обусловленные изменениями в общественной и культурной жизни. Этнолингвистическое образование должно обучать эффективному и целесообразному применению полученных знаний в области обращения с языком в различных типах социальных общностей.

Описанные учебно-методические действия являются подготовительными для более серьезных научных студенческих работ (см., например: Бочкова [2]). Реконструкция народных представлений, которая может в дальнейшем продуктивно осуществляться на материале фольклорных текстов, позволит студентам узнать духовную культуру своего народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бартминьский, Е. (2005). *Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике*. Москва: Индрик (Bartminskii, E. (2005). *Language image of the world: essays in the ethnolinguistics*. Moscow: Indrik).
2. Бочкова, А. С. (2016). *Картина мира русского любовного заговора: этнолингвистический и семантический аспекты*: выпускная квалификационная работа бакалавра. Красноярск: СФУ. Режим доступа: <http://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/26648> (Bochkova, A. S. (2016). *Picture of the world in Russian love spell: ethnolinguistic and semantic aspects*: qualifying work of the bachelor. Krasnoyarsk: SFU. Retrieved from: <http://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/26648>).
3. Виноградов, В. В. (1999). *История слов*. Москва: Институт русского языка им. В. В. Виноградова (Vinogradov, V. V. (1999). *The history of words*. Moscow: Russian language Institute named after V. V. Vinogradov).
4. Воробьева, О. П. (2013). Концептология в Украине: обзор проблематики. *Лингвоконцептология: перспективные направления*, (сс. 10–37). Луганск: Изд-во ЛНПУ имени Тараса Шевченко (Vorobieva, O. P. (2013). *Conceptology in Ukraine: overview of issues. Linguoconceptology: promising trends*, (pp. 10–37). Luhansk: Publishing house of LNU named after Taras Shevchenko).
5. Герд, А. С. (2005). *Введение в этнолингвистику*. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета (Herd, A. S. (2005). *Introduction to ethnolinguistics*. Saint Petersburg: Publishing house of Saint Petersburg University).
6. Караулов, Ю. Н. (1987). *Русский язык и языковая личность*. Москва: Наука (Karaulov, Yu. N. (1987). *Russian language and linguistic personality*. Moscow: Science).
7. Караулов, Ю. Н. (1989). Русская языковая личность и задачи её изучения. *Язык и личность*, (сс. 3–8). Москва: Наука (Karaulov, Yu. N. *Russian language personality and tasks of its study. Language and identity*, (pp. 3–8). Moscow: Science).
8. Мокиенко, В. М., Никитина, Т. Г. (2007). *Большой словарь русских поговорок*. Москва: «ОЛМА Медиа Групп» (Mokiienko, V. M., Nikitina, T. H. (2007). *Large dictionary of Russian Proverbs*. Moscow: "OLMA Media Group").
9. *Славянская этнолингвистика*. Режим доступа: <http://ethnolinguistica-slavica.org> (*Slavic ethnolinguistics*. Retrieved from: <http://ethnolinguistica-slavica.org>).
10. *Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 томах* (1995–2012). Н. И. Толстой (ред.). Москва: Международные отношения (*Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary in 5 volumes* (1995–2012). In N. I. Tolstoi (Ed.). Moscow: International relations).

11. Слухай, Н. В. (2005). *Етноконцепти і міфологія східних слов'ян в аспекті лінгвокультурології*. К.: Київський університет (Slukhai, N. V. (2005). *Enconcert, and mythology of the Eastern Slavs in the cultural-linguistic aspect*. K.: Kyiv University).
12. Сперанская, А. Н. (2005). Специфика фольклорного описания (на примере русских пословиц и поговорок). *Лингвистический ежегодник Сибири*, Вып. 7, 54–65. Красноярск: Краснояр. гос. ун-т (Speranskaia, A. N. (2005). The specificity of folklore (on the example of Russian Proverbs and sayings). *Linguistic Yearbook of Siberia*, Issue 7, 54–65. Krasnoyarsk: KSU).
13. Толстой, Н. И. (1995). Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин. *Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике*, (с. 27–40). Москва: Индрик (Tolstoi, N. I. (1995). Ethnolinguistics among humanitarian disciplines. *Language and popular culture. Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics*, (pp. 27–40). Moscow: Indrik).
14. Успенский, В. А. (1979). О вещных коннотациях абстрактных существительных. *Семиотика и информатика*, 11, 142–148 (Uspenskii, V. A. (1979). About the specific connotations of abstract nouns. *Semiotics and Informatics*. 11, 142–148).
15. *Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика*. Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/Mast4.html>. (*Folklore and post-folklore: structure, typology, semiotics*. Retrieved from: <http://www.ruthenia.ru/folklore/Mast4.html>).
16. Шарманова, Н. М. (2015). *Этнолингвистика*. Кривий Ріг: АСТЕРІКС (Sharmanova, N. M. (2015). *Ethnolinguistics*. Krivyi Rih: ASTERIKS).
17. Шмелев, А. Д. (2002). Время в русской языковой картине мира. *Русская языковая модель мира: Материалы к словарю*, (с. 37–67). Москва: Языки славянской культуры (Shmelev, A. D. (2002). Time in the Russian language picture of the world. *Russian linguistic model of the world: materials for the dictionary*, (pp. 37–67). Moscow: Languages of Slavic culture).

РЕЗЮМЕ

Сперанская Алевтина. Этнолингвистический подход к изучению слова как способ формирования языковой личности.

Автор описывает один из способов целенаправленного воздействия на вербально-семантический уровень языковой личности. Предлагаемый этнолингвистический подход включает обращение к следующим учебно-методическим действиям: работа со значением слова (этимология и толкование по разным лексикографическим источникам); изучение функционирования слова в фольклорном тексте (преимущественно в пословицах и поговорках); наблюдение над повседневной практикой: ритуализованные действия, привычки, обычаи, праздники и обряды, в круг которых вовлечена изучаемая лексема; наблюдение над синтагматическими связями слова (сочетаемость лексемы по выбранным источникам и результаты ассоциативного эксперимента).

Ключевые слова: этнолингвистика, языковая личность, вербально-семантический уровень, картина мира, менталитет, спецсеминар, обучение.

SUMMARY

Speranska Alevtina. The ethnolinguistic approach to the study of words as a method of forming the language personality.

The article analyses one of the ways of the influence on the verbal-semantic level of the language personality. The author bases her approach on the article by N. I. Tolstoi

"Ethnolinguistics in the circle of the humanities" and her experience in the special seminar "The modern problems of the ethnolinguistics". The ethnolinguistic approach proposed in the article is described consistently and includes the following educational and methodological actions: the study of the word meaning (etymology and interpretation using different lexicographical sources); the study of the word functioning in the folklore text (mainly in proverbs and sayings); the observations of everyday practice: ritualized actions, habits, customs, holidays and rites; the study of the word syntagmatic connections (the lexeme combinability in the selected sources and the results of the associative experiment). Such a strategy of training activities, in the author's opinion, will give the student a comprehensive understanding of the chosen word meaning. The work with the etymological dictionaries allows learning about the original structure of the word and its semantic connections. When the students reconstruct the original meaning of the word, connects it with related words and concepts, they learn to understand the logic and the worldview of his ancestors. The comparisons of definitions from different lexicographic sources are necessary in order to find the core of the lexeme meaning. The analysis of folklore texts makes it possible to see how the folklore picture of the world reflects the system of people's ideas about themselves and the world. The observations of everyday practice allows finding out the echoes of the past in the usual actions of the people. The five-volume dictionary "The Slavic Antiquities: the Ethnolinguistic Dictionary" helps to see the traditional in the usual. Studying the combinability of the lexeme, students discover the important property of the word: in the text the word has some syntagmatic relations, which add it new connotations and semantic content.

The associative experiment allows finding the word meanings that some social group give to it. The results of the associative experiment show the modern connotations either fall in with the traditional views or differ from them.

The main goal for the students when they analyze any lexeme is to see the national specifics of the word, the range of its meanings and texts where this word can be used. This approach allows extending the verbal-associative connections, which cannot but affect the development of the language personality.

Key words: *ethnolinguistics, linguistic personality, verbal-semantic level, world view, mentality, seminars, training.*

УДК 796.056-057.875:159.96

АндрійТитович

Сумський державний педагогічний
університет імені А. С. Макаренка
ORCID ID 0000-0002-4283-4105

Ірина Востоцька

Сумський державний педагогічний
університет імені А. С. Макаренка
ORCID ID 0000-0002-5684-1015

DOI 10.24139/2312-5993/2018.01/086-094

РОЛЬ ПСИХІЧНОГО СТАНУ В ДІЯЛЬНОСТІ ЛЮДИНИ

У статті проаналізовано роль психічного стану в діяльності людини. Контроль і керування психічним станом людини як суб'єкта діяльності – необхідна умова для вирішення практичних завдань підвищення ефективності діяльності.